

по себѣ, однакожь все-таки представляютъ довольно ярко нѣкоторыя черты народной жизни, а потому сообщеніе ихъ въ печати будетъ, можетъ быть, нелишнимъ въ нашей, далеко небогатой еще, этнографической литературѣ.

Въ Томской губерніи: колдовство, вѣдовство и знахарство чаще всего совершаются посредствомъ—*зми* и *лягушки*, при чемъ эти гады употребляются или вмѣстѣ, или порознь.

Въ 1815 г. крестьянская дѣвка Прасковья Плотникова поймана была нѣсколькими человѣками свидѣтелей въ томъ, что сажала въ пустую бутылку живаго змѣеныша. При слѣдствіи и допросѣ, она показала, что дѣлала это съ цѣлью испортить или отравить крестьянина Кармина, по просьбѣ жены его Федосьи. Для этого нужно было поймать змѣеныша, съ извѣстными словами, посадить его въ бутылку, залить квасомъ, дать этому квасу настояться, а потомъ поить кого слѣдуетъ. Федосья Кармина отозвалась, что никогда и ни о чемъ не просила Прасковью Плотникову. Війскій штабъ - лекаръ Головинъ нашель, что квасъ, настоенный на змѣенышѣ, долженъ быть признанъ вреднымъ для здоровья. Обсуждая это дѣло, Війскій уѣздный судъ, въ виду Уложенія царя Алексѣя Михайловича 22 гл., 23 ст. и Воинскаго Устава 162 ст., призналъ Плотникову подлежащею смертной казни; но, принимая во вниманіе указъ 13 Января 1757 г., присудилъ ее только къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Нерчинскъ въ каторжную работу; Кармину же опредѣлить оставить свободною „впредь до изобличенія“. Но Томскій уголовный судъ, на ревизію котораго поступило это дѣло, нашель, что составленная Плотниковою порча или отравы не была еще употреблена въ дѣло, а потому присудилъ „оную Прасковью Плотникову, за дѣланіе вреднаго состава, на основаніи указа 22 Юня 1720 г., наказать розгами 40 ударами и оставить ее на мѣстѣ жительства“.

Въ 1818 г. жена лазаретнаго служителя Салаирскаго рудника (въ Кузнецкомъ округѣ) Акулина Мясотина объявила начальству, что, пять лѣтъ тому назадъ, крестьянская жена Прасковья Адова колдовала и портила золовку свою Хавронью *сушеною лягушкой*, которую клали въ щи, думая, что Хавронья отъ этого умретъ. Обвиненная, конечно, во всемъ заперлась. Съ своей стороны, Хавронья показала, что, дѣйствительно, лѣтъ пять тому назадъ, у нея болѣли руки и ноги, но отчего неизвѣстно. Тоже самое показали отецъ и мать Хавроньи. Принимая во вниманіе, что на повальномъ обыскѣ Прасковья Адова не одобрена въ поведеніи, Кузнецкій уѣздный судъ полагалъ сослать ее, „если окажется годною“, въ Туруханскъ на поселеніе, а если нѣтъ, то въ Иркутскъ. Но Томскій уголовный судъ опредѣлилъ оставить Адову отъ дѣла свободною, а о переселеніи ея въ другое мѣсто предоставить распоряженію горнаго вѣдомства.

Въ 1823 г. двѣнадцатилѣтняя дѣвочка Кулундинской волости, Барнаульскаго округа, Матрена Шимолина, объявила начальству,

что крестьянская дѣвка деревни Овечкиной, Анна Шимолина держитъ у себя въ горшкѣ, неизвѣстно для чего, живую змѣю и лягушку. Полагая, что Шимолина затѣваетъ какое нибудь колдовство и хочетъ кого нибудь испортить, начальство повело дѣло такъ, что по этому обстоятельству произведено было формальное слѣдствие. На допросѣ обвиненная показала, что никакой змѣи и лягушки въ горшкѣ не держала и колдовать или портить никого не хотѣла. На очной ставкѣ, Марфа Шимолина уличала ее сперва, что дѣйствительно видѣла у нея въ горшкѣ змѣю и лягушку, но потомъ созналась, что все это она выдумала, по наученію крестьянина Давыда Овечкина, который сердитъ на Анну за то, что, перевозя ее, однажды, чрезъ рѣку Кулунду, онъ склонялъ ее къ блуду съ нимъ, но она на это не согласилась. Дѣло кончилось ничѣмъ.

Въ прежнее время, при незначительности населенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Томской губерніи, было множество змѣй. Близъ Гольцевскаго рудника, Війскаго округа, Палласъ слышалъ ночью въ горахъ хриплый, тихій, но продолжительный голосъ, который рудокопы единогласно приписывали сѣрымъ змѣямъ. Въ Ивановскомъ рудникѣ, того же округа, ему показывали нѣкоторые выдавшіеся углы камней, на которыхъ находились гладкіе и какъ бы шлифованные желобки; рудокопы приписывали это явленіе змѣямъ, ползающимъ будто-бы по этимъ мѣстамъ³⁾. Названіе нѣкоторыхъ мѣстностей губерніи, каковы Змѣевъ, Змѣинка, Змѣиногорскъ, Змѣинская, Змѣиногорскій рудникъ⁴⁾, произошло отъ множества находившихся тамъ змѣй. Въ Змѣиногорскомъ рудникѣ, во время его открытія, находилось ихъ такое множество, что онѣ мѣшали работамъ и для истребленія ихъ каждый день наряжались особыя команды. Съ увеличеніемъ народонаселенія, змѣи повывелись, однако же и теперь еще водится порода *Vipera s. Coluber berus* (козюлька) и *Coluber natrix* (ужъ) и поодинокѣ и гнѣздами; въ нѣкоторыхъ окрестныхъ мѣстахъ гнѣзда встрѣчаются въ 60 и болѣе штукъ. Онѣ, обыкновенно, мало вредятъ жителямъ и жалятъ только при захватѣ ихъ, такъ сказать, въ расплохъ. Есть между простолюдинами знахари, которые выдаютъ себя умѣющими заговаривать мѣста, ужаленныя змѣями. Вотъ одинъ изъ такихъ заговоровъ⁵⁾:

„Змѣя - змѣюница, головная - головница! ползай же ты въ сѣверную сторону къ рябинному кусту; сидь же ты на святое дерево — на рябинный кустъ; поѣзжай же ты къ океану - морю; на океанѣ морѣ — латырь — камень; на этомъ камнѣ — змѣиное жало; оно не горитъ, не болитъ и не пухнетъ; также бы не горѣло, не болѣло и не пухло (мѣсто ужаленное) у тако-то“.

Говоря про себя эти слова, знахари обводятъ пальцемъ вокругъ ужаленнаго мѣста, или дѣлаютъ ножницами видъ стриженія, и, случается, что, послѣ нѣсколькихъ такихъ операций, повторенныхъ

³⁾ Путеш. по разн. мѣст. Росс. Госуд. С.-Петер. 1786 г., ч. II, к. 2, 241, 326.

⁴⁾ Списокъ насел. мѣстъ Том. губ. С.-Петер. 1868 г., 129.

⁵⁾ Томск. губ. вѣд. 1858 г. № 4.

черезъ извѣстный, обыкновенно короткій, промежутокъ времени, останавливаютъ дальнѣйшій ходъ поврежденія.

Въ Германіи въ XVII в. существовало повѣрье, что отъ совокупленія дьявола съ вѣдьмою могутъ произойти только разнаго рода гады, какъ, напримѣръ, змѣи, лягушки, ящерицы, черви ⁶⁾. Наши крестьяне считаютъ змѣй, лягушекъ и т. п., созданиємъ дьявола на горе человѣка ⁷⁾. Однакожъ, не смотря на то, сибирскіе знахари употребляютъ иногда змѣю и лягушку, какъ врачебное средство. Змѣинный *выползокъ* (кожа, которую сбрасываетъ съ себя змѣя) считается вѣрнымъ средствомъ противъ дихорадки, для чего и должно носить его при себѣ зашитымъ во что нибудь. Чтобы придать выползку болѣе силы, знахарь читаетъ надъ нимъ слѣдующій заговоръ ⁸⁾:

„Встану я рабъ, Божій М., благословясь, пойду перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, подь восточную сторону, въ чистое поле, къ океану-морю, на святъ-Божій островъ. На этомъ островѣ лежитъ Алатырь-камень, а на камнѣ стоитъ Мати Пречистая Богородица, просить и молить безпрестанно Господа Иисуса Христа объ насъ грѣшникахъ. Прошу и молю, Пречистая Божія Матерь, усердно своими горькими слезами! заступи обо мнѣ рабѣ Божіемъ М., отгони злую лихоманку за тридцать земель въ тридцатое пустое царство; отгони и отведи отъ меня, Божьяго человѣка М. Ключъ въ морѣ, языкъ во рту“.

Лягушка употребляется противъ запоя. Для этого нужно живую лягушку посадить въ вино и поставить его на сутки въ теплое мѣсто, а потомъ настой этотъ давать пить подверженному запю, однако же такъ, чтобы онъ не зналъ, что пьетъ. Съ большимъ, говорятъ, дѣлается такая тошнота, что потомъ его навсегда отбиваетъ отъ вина.

Иногда въ колдовствѣ играетъ роль *человѣческая кровь, нѣкоторая части, человеческого тѣла, волосы* и т. п.

Въ 1812 г. крестьянка Верхне-Омской волости, Каинскаго округа, Дарья Карганова была поймана своими домашними за приготовленіемъ какого-то снадобья въ скорлупѣ куриного яйца. На вопросъ что она дѣлаетъ?—Дарья объяснила, что занимается приготовленіемъ состава изъ мѣсячныхъ своихъ очищеній, съ цѣлью дать этотъ составъ въ пищу всему своему семейству, чтобы оно не преслѣдовало ее, а любило. Тоже самое Дарья показала и при слѣдствіи, при чемъ присоединила, что составъ изъ мѣсячныхъ очищеній она готовила до совѣту любовника своего, крестьянина Леонтыя Помелцева, съ которымъ живетъ уже другой годъ. Помелцевъ

⁶⁾ Шерръ: Истор. цивил. Герм. С.-Петер. 1868 г.: 393.

⁷⁾ Напротивъ того, нѣкоторые сибирскіе инородцы, какъ, напримѣръ, Минусинскіе и Кузнецкіе татары, оказываютъ змѣямъ почетъ, считая ихъ одаренными разумомъ и живущими въ правильно организованномъ обществѣ, подь управленіемъ цари.

⁸⁾ Гуляевъ: Этнограф. очерки, южн. Сибири, въ Библ. для Чт. т. ХС, Од. III, 47—53.

ни въ чемъ не сознался, кромѣ того только, что однажды Дарья дѣйствительно приглашала его ночевать къ себѣ и онъ приходилъ къ ней, но свекоръ ея увидѣлъ его и прогналъ со двора. Каинскій уѣздный судъ полагалъ на основаніи указа 20 Мая 1731 г. и 266 ст. Устава Благочинія, Дарью Карганову наказать плетями и по не одобренію на повальномъ обыскѣ ея поведенія и по нежеланію мужа ея жить съ нею, сослать въ Иркутскую губернію на поселеніе, а крестьянина Помелцева, какъ ни въ чемъ не сознавагося и неувличеннаго, оставить отъ всякаго наказанія свободнымъ. Уголовный Судъ рѣшилъ это дѣло такъ: онъ приговорилъ Дарью Карганову къ наказанію 50-ю ударами плетей и къ ссылке на поселеніе, а Леонтія Помелцева, за то, что онъ приходилъ къ ней ночевать, между тѣмъ, какъ у него есть жена и дѣти, — къ выдержанію при волостномъ правленіи въ сельской тюрьмѣ на хлѣбъ и водѣ въ теченіи двухъ недѣль.

Въ 1820 г. въ д. Сибирцевой, Усть-Тартаеской волости, Каинскаго округа, производилось слѣдетвіе, начатое по ходатайству всего сельскаго общества, о томъ, что крестьянская жена Дарья Горчакова и солдатка Афімья Безстрашнікова портятъ разныхъ женщинъ и дѣвокъ. Изъ числа такихъ испорченныхъ, тринадцать человекъ нерѣдко приходили въ бѣснованіе, икали, кричали по птичь, лаяли по собачьи, ругали всякаго, кто имъ встрѣчался, ломали и кусали у себя руки, щипали тѣло, а нѣкоторые, находясь въ такомъ возбужденномъ состояніи, говорили, что ихъ испортила Горчакова, Безстрашнікова же разносила порчу, при чемъ называли этихъ женщинъ „матерями“. Одна изъ бѣсновавшихся, крестьянка Черданцова, говорила, что у Горчаковой для составленія порчи есть даже *человѣчское легкое и языкъ*. При обыскѣ, эти вещи дѣйствительно найдены были у Горчаковой въ амбарѣ и были завернуты въ тряпку; но въ амбарѣ найдена была при этомъ и щель, посредствомъ которой эти вещи могли быть подвинуты. Кромѣ того, въ сундукѣ Горчаковой оказались въ трехъ узелкахъ какія-то сусенныя травы. Обвиняемыя не сознались ни въ чемъ, но на повальномъ обыскѣ поведеніе ихъ не одобрено. При этомъ все общество крестьянъ объявило, что, до выхода въ замужество крестьянки Горчаковой и до прибытія ея въ д. Сибирцеву, порча была у нихъ неизвестна. Каинскій уѣздный лекарь Ковреинъ отозвался, что онъ дѣлалъ одной изъ бѣснующихся, Акулинѣ Сѣдельниковой, „медицинскій экзамень“, по которому оказалось, что „случающееся съ сей женщиной поврежденіемъ бѣснованіе происходитъ не отъ порчи, а отъ испугу, печали, сѣтованія, горести, излишней радости и при всѣхъ душевныхъ возмущеніяхъ; найденныя же въ амбарѣ языкъ и часть легкаго — не человѣческіе, а неизвестно какого-то молодого животнаго; что же относится до травъ, то онѣ безвредны“. Уѣздный и уголовный суды, разсмотрѣвъ это дѣло, рѣшили: оставивъ обвиняемыхъ въ колдовствѣ и порчѣ Горчакову и Безстрашнікову свободными, но поручить сельскому старшинѣ наблюдать за ихъ поведеніемъ.

Въ 1833 г. крестьяне д. Березовой, Колыванскаго округа, составили приговоръ, въ которомъ объяснили, что проживающія въ ихъ деревнѣ крестьянскія женки, Бурлинской волости, того же округа, Прасковья Кунгурцова и Марья Шамова оподозрѣваются ими въ подброшеніи ночью къ порогу дома крестьянки Матрены Анферовой, перевязаннаго красною ниткою, узелка, въ которомъ находились: *женскіе волосы*, небольшой кусокъ *порчи* и *злыная головка*; что этотъ узелокъ подброшенъ не иначе, какъ съ цѣлю испортить Анферову, потому что Кунгурцова и Шамова не разъ уже хвастались испортить ее; что, наконецъ, кромѣ того, въ ихъ деревнѣ находится до восемнадцати испорченныхъ женщинъ, которыя часто приходятъ въ безпамятство, кричатъ разными голосами, ругаются и выкрикиваютъ, что ихъ испортили Кунгурцова и Шамова. По всему этому, крестьяне просили начальство о переселеніи означенныхъ женщинъ изъ ихъ деревни въ другое мѣсто. Признано было необходимымъ произвести обо всемъ этомъ слѣдствіе, при которомъ крестьяне показали то же самое, что сказано было ими въ приговорѣ, а обвиняемыя ни въ чемъ не сознались. Приглашенный для освидѣтельствованія больныхъ женщинъ, уѣздный лекарь Зерчаниновъ, осмотрѣвъ ихъ, отозвался, что „порча не можетъ быть допущена по медицинѣ и есть болѣзнь сія ложная“; въ узелкѣ же дѣйствительно, оказались человѣческіе волосы, кусокъ порчи и головка какого-то пресмыкающагося, но вещи эти, сами по себѣ, безвредны. Судебныя мѣста освободили обвиняемыхъ отъ всякой ответственности въ порчѣ женщинъ, а о переселеніи ихъ въ другое мѣсто предоставили крестьянамъ ходатайствовать особо.

Въ 1814 г. крестьянинъ Каинскаго округа, Спасской волости, дер. Мурашевой, Сергѣй Алимовъ сдѣлался болѣзнъ, но скоро выздоровѣлъ отъ настоя какой-то травы, которую давалъ ему пить профъжій извощикъ; при этомъ извощикъ объяснилъ Алимову, что болѣзнь у него была отъ порчи. Послѣ того, Алимовъ, взявъ съ собою жену свою Арину, поѣхалъ на пашню, верстѣ за 10 отъ деревни, и здѣсь онъ увидѣлъ, что у него въ шапкѣ, подъ сукномъ, прикрѣплена какая-то бумажка и соломенка. Сомнѣваясь, не сдѣлано ли это съ цѣлю порчи и подозрѣвая въ этомъ свою жену, онъ сталъ спрашивать ее объ этомъ и она созналась, что бумажку и соломенку дѣйствительно приклѣила ему въ шапкѣ, ради порчи, по просьбѣ ея, крестьянка Анна Матвѣева. Продолжая допросы, Алимовъ узналъ отъ жены, что, съ цѣлю же порчи, у нея находятся два узелка съ *волшебною солью*, изъ которыхъ одинъ приготовленъ для него, а другой для всего семейства. Обо всемъ этомъ Алимовъ заявилъ на сходкѣ сельскому старшинѣ и все это подтвердила призванная на сходку Арина. Но при производствѣ слѣдствія, она показала, что никакимъ колдовствомъ и порчею никогда не занималась, а если говорила мужу, что у нея есть волшебная соль для *присутки* его и всего семейства, то это она сдѣлала, не стерпя жестокихъ истязаній мужа, который, привязавъ ее въ

пашенной избушкѣ къ печному и палатному брусу, стегаль прутьями и допрашивалъ, не она ли его испортила; находящаяся въ узелкахъ соль взята ею изъ солонки. Анна Матвѣева отозвалась, что она порчей и колдовствомъ не занимается и никакой бумажки и соломенки въ шапкѣ Алимова не приклеивала. По свидѣтельству уѣзднаго лекаря узелковъ, „никакаго вредительнаго яда въ той соли не оказалось“. Судебныя мѣста нашли, что „было бы опаснымъ“ приговорить Анну Алимову къ какому нибудь наказанію, а потому положили оставить ее отъ дѣла свободною.

Въ древности было довольно распространено мнѣніе, что въ крови находится душа всякаго тѣла, а потому и запрещалось ѣсть кровь животнаго или мясо, когда еще не выпущена изъ него кровь.⁹⁾ Колдовство посредствомъ крови мѣсячныхъ очищеній, вошло и т. п. было въ ходу въ Германіи еще въ прошедшемъ вѣкѣ. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ Крейтерманъ въ своемъ „Любопытномъ и волшебномъ лечебникѣ“ (1726 г.): „Колдуны и колдуньи употребляютъ какъ чародѣйственныя и дьявольскія средства для внушенія любви и слова, знаки, нашептыванья, восковыя изображенія; иногда они зарываютъ подъ дверь или порогомъ кусочекъ платя или что нибудь другое, принадлежащее лицу, на которое гадаютъ. Любодѣйки и т. п. сволочь пользуются для этой цѣли своимъ мѣсячнымъ очищеніемъ, сѣменемъ мужчины, дѣтскимъ послѣдомъ, молокомъ, потомъ, уриной, слюной, волосами, пуповиной, мозгомъ, головастика и т. п.“ Отваръ подобныхъ ингредиентов или напитокъ, приготовленный изъ собственной выпяченной крови, изъ айчекъ зайца, изъ печени голубя, должны были возбудить любовь въ человѣкѣ, пившемъ его¹⁰⁾. Наговоры на соль, съ цѣлью приворожить къ себѣ кого нибудь, извѣстны у насъ давно; одинъ изъ любопытныхъ процессовъ по этому предмету можно найти у г. Забѣлина въ сочиненіи: „Домашній бытъ русскихъ парицъ въ XVI и XVII ст.“¹¹⁾

Составъ, который приготовляла Дарья Карганова, называется *присушкою*. Для большей силы, надъ нею, обыкновенно, знахари и колдуны производятъ слѣдующій заговоръ: „Встану я (имя) и пойду изъ дверей въ двери, изъ дверей въ ворота, въ чистое поле. На встрѣчу мнѣ огонь и полмя и буенъ вѣтеръ. Встану и поклонюсь имъ низешенько и скажу такъ: Гой еси огонь и полмя! не палите земныхъ нравъ, и буенъ вѣтеръ не раздувай полмя, а сослужи службу вѣрную, великую, выньте изъ меня (имя) тоску тоскучую и сухоту плакучую; понесите ее черезъ боръ—не потеряйте, черезъ дороги—не уроните, черезъ моря и рѣчки—не утопите, а вложите ее въ раба Божія (или рабу) М; въ обѣлую грудь, въ ретивое сердце и въ дѣткія и въ печень, чтобы онъ обо мнѣ, рабѣ Божіей М, тосковалъ и горевалъ, денну, ночну и полу-

⁹⁾ Левитъ: XVII, 10, 11; см. Юсифа Флавія, Плутарха, Правила Апостольскія.

¹⁰⁾ Шерръ: Ист. цивил. Герм., 385.

¹¹⁾ Москва. 1869 г., 533—543.

ночну пору, въ сладкихъ яствахъ бы не заѣдалъ, въ медѣ, пивѣ и винѣ не заливаль. Будте вы, слова мои, крѣпки и липки, отнынѣ и до вѣку. Заключаю крѣпкимъ замкомъ и ключъ въ воду. Подобный заговоръ произносится надъ виномъ, водою, хлѣбомъ, солью и пр., вообще надъ всѣми тѣми, что должно дать какимъ либо образомъ привораживаемому, иногда надъ оставленными имъ на землѣ и на пескѣ слѣдами. Заговоръ, имѣющій цѣлю, чтобы ктонибудь разлюбилъ кого, называется *отсушкою* или *отворотомъ*. Онъ произносится надъ тѣми же предметами и состоитъ изъ слѣдующихъ выражений: *Иди отсюда, онако, оиди отсюда, а ты, Пойду я въ поле на травы зелены, на цвѣты лазревы. На встрѣчу мнѣ бѣжитъ духъ вихоръ изъ чистаго поля, со своею негодною силою, съ моря на море, чрезъ лѣса дремучи, чрезъ горы высокія, чрезъ доли широкіе и какъ онъ бьетъ травы и цвѣты, ломаетъ и бросаетъ, такъ бы мѣ билъ, ломалъ мѣ и бросалъ и на точи не принималъ и до себя вплоть не допуская, и казался бы тотъ человекъ пушкѣ змѣя лютаго, и жгло и палило бы его огнемъ, громомъ и молніей. Тому слову моему нѣтъ края и конца, ни переговору и недоговору.*¹²⁾

Иногда колдовство совершается посредствомъ одного *дуновения* и *призыванія злыхъ духовъ* проказы и т. п. Въ 1826 г. крестьянская жена дер. Крутихиной, Бурлинской волости, Кольванскаго округа, Марфа Нечунаева была въ гостяхъ въ дер. Верхъ-Сустинской, у крестьянина Савелья Ощепкова. Вечеромъ пришелъ къ Ощепкову, также въ гости, проживавшій въ д. Верхъ-Сустинской, крестьянинъ Пермской губерніи, Шадринскаго уѣзда, Аристархъ Пришвицынъ. Онъ былъ пьянъ и, увидѣвъ на удившихся гутъ женщинъ, началъ съ ними лобезничать — кланяться въ ноги, просить прощенія и цѣловать ихъ. Марфа не хотѣла цѣловаться, но Пришвицынъ поцѣловалъ ее насильно и при этомъ дунулъ на нее. Съ этого времени, она почувствовала „величайшую грусть, какъ будто-бы чтонибудь потеряла“. Такое состояніе ея продолжалось недѣль десять. Мужъ Марфы просилъ крестьянина деревни Кривинской Ивана Бутакова полечить жену, и тотъ принялся за это, однако же нисколько не помогъ. Послѣ того, Марфа пришла въ безуміе и стала говорить, что внутри ея молодецъ запасенъ и закрѣпленъ, и того молодца Бутакову не выжить, а засадилъ его Пришвицынъ, по просьбѣ дѣвки Авдотьи Чернавиной. При этомъ больная рвала на себѣ волосы и плаче и билась такъ сильно, что ее не было возможности удержать. Заявивъ обо всемъ этому волостному правленію, мужъ Марфы добавилъ, что въ портѣ жены своей онъ подозреваетъ крестьянина Пришвицына, который находится въ любовной связи съ Авдотьей Чернавиной, а эта послѣдняя сердита на его жену за то, что отецъ Чернавиной бралъ у отца его, жены 10 руб. въ займы на срокъ, и, когда прошелъ этотъ срокъ, то не далъ

¹²⁾ Гуляевъ: Этнограф. очерки южной Сибири. — 288, стр. 1881.

отерчкии Волостное правленіе распорядилось освидѣтельствовать Марфу, но призвало также Припвицна и Чернавину и спрятало ихъ такъ, чтобы больная не могла ихъ видѣть. Только, прийдя въ волость, гдѣ собралась сходка, Марфа почувствовала дурноту, стала, какъ безумная, кричать, ругаться, рвать на себѣ волосы и говорить о „злѣдѣи Припвицнѣ и Дунькѣ—здѣсь; они посадили въ меня молодца безъ жизни“. Волостное правленіе обо всемъ этомъ донесло земскому суду. Началось слѣдствіе; но оно, конечно, окончилось ничѣмъ. *тэвнэ эн отот дтэвнэ дн нэн ч азвѣдоуе*

Въ 1809 г. крещенный инородецъ Кузнецкаго округа Кирила Алабашкинъ былъ обвиненъ своими общественниками, тоже крещеными инородцами, а также нѣкоторыми русскими крестьянами въ томъ, что онъ, посредствомъ ударовъ въ шаманскій волшебный бубенъ и призываніе злаго духа или шайтана, испортилъ дядю своего Василья Алабашкина и сноху Анну, вслѣдствіе чего Василій во время сна семьи удавился на палатномъ брусѣ, а Анна умерла. По слѣдствію оказалось, что Василій и Анна были нѣмъ-то нездоровы и просили Кирила *покамлатъ* (пошаманить надъ нѣми), что имъ и исполнено при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ. Во время камланья онъ дѣйствительно билъ въ шаманскій бубенъ и вызывалъ шайтана, чтобы онъ вышелъ изъ больныхъ. Но вскорѣ послѣ того неизвѣстно отчего Василій Алабашкинъ удавился, а Анна въ тотъ день, какъ ей умереть, цила купоросъ, разведенный въ водѣ. Кузнецкій окружный судъ нашель, что порчи въ семь дѣлъ быть неудовательно, а камланье сдѣлано Алабашкинымъ изъ одной зависти въ разсужденіи полученія имъ при таковыхъ случаяхъ подарковъ или платъ. Но какъ обвиняемый крещенный, а между тѣмъ въ его камланьѣ заключается суевѣріе, обманъ и невѣжество, то окружный судъ положилъ передать это обстоятельство на разсмотрѣніе совѣстнаго суда. Послѣдній, съ своей стороны, приговорилъ Алабашкина наказывать розгами 30 ударами и строго внушить ему, чтобы онъ на будущее время не осмѣливался заниматься камланьемъ.

Однакожь, это не исправило Алабашкина, и въ 1820 г., по обвиненію общества, онъ снова попалъ подъ слѣдствіе по камланьѣ на волшебномъ бубнѣ. По этому слѣдствію оказалось, что Алабашкинъ добровольно камлалъ надъ нѣсколькими лицами во время ихъ болѣзни и эти лица выздоровѣли; камлалъ также по принужденію бауляка (старшини) Кырмыстакова и ясачныхъ Ильи Алабашкина и Тихона Етанышева, когда у нихъ въ семействахъ были больные, но при этомъ одинъ четырехлѣтній мальчикъ умеръ, — вѣроятно, отъ наущенія шайтановъ. Совѣстный судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, приговорилъ снова наказывать колдуна розгами и переселить его на житье въ Иркутскую губернію.

Послѣдствія колдовства—извѣстны: испорченные чувствуютъ внутри себя ялятушекъ или змѣй, которыхъ иногда будто-бы извергаютъ вмѣстѣ со рвотою; но чаще всего они бывають подвержены странной и непонятной для простаго русскаго человека болѣзни, во

время припадков которой кричать на разные голоса, называют имена тѣхъ, кто ихъ испортилъ, рвутъ на себѣ волосы и платье и т. п. Въ 1820 г. Кузнецкій городничій донесъ Томскому Губернатору, что 07 Июня смѣщанка Авдотья Пырскова отъ сильной рвоты изрыгнула изъ гортани съ кровью лягушку, величиною среднюю, цвѣтомъ желтосѣрую, полосатую; при свидѣтельствѣ чего, оная Авдотья Пырскова объявила, что она въ животѣ болѣю и частою рвотою была одержима съ Фоминой недѣль, но отчего сія тварь зародилась у ней въ животѣ, того не знаетъ, кромѣ что, по ссорамъ, полагаетъ сомнѣніе на невьстку свою; Авдотью же Пырскову, у которой она на Фоминой недѣль была въ домѣ и она, Авдотья, ее потчивала какими-то съ соромъ щами, сказывая, что въ оная нечаянно попала изъ трубы сажа. По сему сумнѣнію, хотя у упомянутой ея невьстки Авдотьи въ домѣ того часу сдѣланъ былъ обыскъ, но ничего изъ вреднаго и сумнительнаго или имѣющаго ядъ не найдено. Къ этому городничій присоединялъ, что о такомъ происшествіи онъ началъ производить слѣдствіе; смѣщанка Пырскова генеръ чувствительной боли не имѣеть, а изрыгнутая ею лягушка хотя въ воду была посажена, но чрезъ три часа изгилла. На такое донесеніе губернаторъ отозвался городничему, что, происшествіе сіе есть совершенно противуестественное и должно быть извѣстно высшему начальству съ препровожденіемъ и самой лягушки; а потому ему предписывалось донести, сохранена ли оная лягушка или истреблена; буде же она сохраняется, то, для предупрежденія отъ гнилости, необходимо положить ее, чрезъ медицинскихъ чиновниковъ въ стеклянную банку, спиртомъ наполненную, и держать въ холодномъ мѣстѣ. За тѣмъ, поручая городничему представить подробное свѣдѣніе объ оказавшемся по слѣдствію, губернаторъ поставляетъ ему на видъ, „чтобы, при производеніи изслѣдованія о семъ, примѣчательное употреблено было наблюденіе, не подброшена ли со стороны та лягушка во рвоту, и внимательно бы самыя малѣйшія обстоятельства разсматриваемы были, точная ли то истина и нѣтъ ли въ семъ дѣлѣ, яко не обыкновенно и всегда состоящемъ у ученыхъ и натуралистовъ въ сомнѣніи, сокрытаго искуснаго обмана для какихъ-либо, требовавшихся сего, видовъ или другихъ предположеній“. Городничій донесъ, что лягушка, высушенная, безъ малѣйшаго поврежденія, хранится въ городническомъ правленіи, а самое слѣдствіе объ ней отослано въ городской магистратъ для рѣшенія⁴³⁾. Дѣло это разсматривалось потомъ въ совѣстномъ судѣ, но какъ обвиняемая въ колдовствѣ Авдотья Пырскова ни въ чемъ не созналась и не уличена, то она осталась свободною отъ всякаго наказанія.

Подобнаго рода дѣль относительно змѣй—намъ не встрѣчалось; но во многихъ мѣстахъ Томской губерніи хотя и не часто; однакоже доводилось слышать о людяхъ, у которыхъ, вслѣдствіе порчи, множествомъ лягушекъ или отъ змеи или отъ другого отъ змеи или отъ

⁴³⁾ Юридическіе обычаи крестьянъ-старожилъ Томской губ., стр. 98—99, что

находятся внутри змѣи и объ изверженіи этихъ змѣй посредствомъ рвоты.

Въ 1829 г. крестьяне д. Мурашиной, Каинскаго округа, Петръ Гудошниковъ, Варфоломей Абрамовъ и Алексѣй Кулагинъ, явсь на сходку, объявили, что у перваго жена Анна Сергѣева, у втораго дочь дѣвка Марфа и у послѣдняго жена Дарья Алексѣева „въ недавнее время оказались испорченными, посажены въ нихъ нечистые духи, и, во время ихъ тѣми нечистыми духами разслабленія, онѣ кричать разными необыкновенными голосами, при чемъ выговариваютъ, что посажены въ нихъ нечистые духи оной же деревни крестьянина Гаврилы Алимова дочерью, дѣвицею Катериной, а ее научила оной порчѣ мать ея родная Марья Дмитріева“. По выслушаніи такого заявленія, общество въ числѣ 50 человекъ, отозвалось, что оно „персонально“ слышало отъ помянутыхъ выше больныхъ выкликанье на Марью; „а какъ объ оной Марьѣ Дмитріевой и прежде сего въ таковыхъ же порчахъ многихъ людей полагалось сомнительство, токмо до ясности сего не дойдено“, то общество составило объ этомъ приговоръ, ходатайствуя о производствѣ слѣдствія о колдовствѣ Марьи Дмитріевой и дочери ея Катерины. При слѣдствіи показали: 1) *Жена Гудошникова* Анна Сергѣева, 51 года, что „назадъ тому годовъ около семи, она, въ зимнее время, неизвѣстно отчего, начала чувствовать тоску, какъ бы что-то потеряла, каковая продолжалась недѣль семь, вмѣстѣ съ отерывшеюся *красною крыжею*; а потомъ въ одно время ночью она почувствовала въ животѣ необыкновенную боль, подошедшую къ сердцу и начавшую тѣснить также и оное; наконецъ она вышла изъ силъ и что съ нею было—не знаетъ; только на другой день, когда она очутилась, домашніе сказывали, что она производила крики по собачьи, по кошачьи и другими разными голосами; тоже самое происходитъ съ ней и по настоящее время всякій разъ, какъ ее кто разсердить или она чѣмъ огорчена; кричала ли она о томъ, кто ее испортилъ, не помнить, а посторонніе сказываютъ, что она въ этомъ положеніи указывала на Катерину Алимову и мать ея“. 2) *Жена Кулагина* Дарья Алексѣева, 40 лѣтъ, что нездоровую она сдѣлалась 1829 г. со Свѣтлой недѣли; болѣзнь открылась тѣмъ, что она почувствовала въ животѣ боль, а потомъ стѣсненіе дыханія и стѣсненіе сердца; это продолжалось съ полгода; наконецъ она стала впадать въ безуміе, падать, и кричать разными голосами, ругаться по-матерно и говорить, что ее испортили Алимовы, посадивъ черта въ утробу; происходитъ это всякій разъ отъ досады, табачнаго дыма, а иногда просто отъ собачьяго лая. 3) *Дѣвка Марфа Абрамова*, 16 лѣтъ, что въ концѣ 1828 г. на Николинъ день была у нея въ гостяхъ сосѣдка Катерина Алимова и просидѣла до полночи, а потомъ, собираясь уйти домой, просила ей посвѣтить, что она, Марфа и исполнила; но потомъ, возвращаясь въ избу, только что переступила порогъ, какъ почувствовала „лихо“, всѣ члены ея стало тянуть и голова съ шеей поворачиваться

во всё стороны; она упала и пробыла въ безуміи до разсвѣта; затѣмъ это стало повторяться съ ней очень часто при малѣйшей досадѣ, оскорбленіи, даже при одномъ лаѣ собакъ, при чемъ она кричитъ разными голосами и выкликаетъ, кто ее испортилъ; но мать поила ее какими-то травами и она получила отъ этого облегченіе. Обвиняемыя въ колдовствѣ Марья и Катерина Алимовы ни въ чемъ не сознались. Спрошенные при слѣдствіи крестьяне, въ числѣ 46 человѣкъ, подтверждая приговоръ свой, показали, что у нихъ въ деревнѣ есть еще нѣсколько испорченныхъ женщинъ, которыя также кричатъ на разные голоса и выкликаютъ, что ихъ испортили Катерина и Марья Алимовы. Губернскій судъ рѣшилъ это дѣло тѣмъ, что оставилъ обвиняемыхъ свободными, а какъ крестьяне не желаютъ имѣть ихъ въ своемъ обществѣ, то о переселеніи ихъ въ другое мѣсто предоставилъ ходатайствовать особому отру.

Въ 1825 г. въ деревнѣ Меньшиковой, Каинскаго округа, крестьянки Бородихина, Молодкова и Меньшикова стали кричать на разные голоса и выкликать, что ихъ испортили, посадивъ въ утробу чорта, крестьянки же Мезенцева, Парышева и Катусова, при чемъ называли ихъ „матерями“. Лекарь Лазаревъ, освидѣтельствовавъ больныхъ, нашелъ, что онѣ отравлены чѣмъ-то „изъ вяжущихъ веществъ“.

Въ 1842 г. Казанское волостное правленіе донесло Каинскому земскому суду, что сельское общество д. Усть-Тандовой, представляя ему проживающую въ той деревнѣ съ мужемъ крестьянку Лукерью Малышеву, обвиняетъ ее въ порчѣ женщинъ и дѣвокъ, а потому проситъ о переселеніи ея въ другое мѣсто. Когда въ д. Усть-Тандову пріѣхалъ слѣдователь, то общество представило ему трехъ испорченныхъ Малышевой женщинъ, которыя показали, что болѣзнь ихъ начинается сильною жуткою потогъ онѣ чувствуютъ боль сердца, наконецъ поднимаютъ крикъ и приходятъ въ безпамятство; всѣ эти признаки появляются особенно при куреніи ладаномъ или табакомъ, а равно при чтеніи Евангелія и церковномъ пѣніи. Слѣдователь произвелъ опыты. Больныя начали усиленно кричать, силы ихъ напрягались, біеніе сердца усиливалось, въ жедудкѣ начинало урчать, потогъ перекатывалось что-то твердое, приближаясь все болѣе и болѣе къ груди, онѣ стонали, плакали, тряслись всѣмъ тѣломъ, просили выпустить ихъ на чистый воздухъ; но въ безпамятствѣ не впадали. Надъ чистомъ воздухѣ всѣ признаки проходили. Одинъ изъ крестьянъ д. Усть-Тандовой, Матвѣй Кичигинъ, показавъ, что Лукерья Малышева испортила у него племянницу и дочку, онѣ обѣ умерли — первая въ 1840 г. а вторая въ 1842 г. Обвиненная въ чѣмъ не созналась и противъ нея не представлено никакихъ уликъ; но какъ все общество единогласно ходатайствовало избавить его отъ нея, то слѣдователь распорядился тогда же переселить Малышеву въ другую деревню. Тѣмъ дѣйствіемъ его по этому дѣлу ограничались. Однакоже начало ея имъ слѣдствіе по этому предмету было не окончено, а потому пришлось

дополнять его, спустя около десяти лѣтъ. При дополненіи, сельское общество д. Усть-Гандовой, объяснило, что, съ переселеніем Лукерьи Малышевой въ другое мѣсто, порча дѣвокъ и бабъ въ деревнѣ ихъ прекратилась; а крестьяне новаго мѣста жительства Малышевой отозвались, что она живетъ хорошо и ни въ чемъ дурномъ не замѣчена. Поэтому судебныя мѣста рѣшили считать это дѣло оконченнымъ¹⁴⁾.

Всѣ подобныя припадки медики называютъ первыми. „Чрезвычайно сложныя и даже въ настоящее время очень трудно поддающіяся изслѣдованіямъ припадки нервныхъ болѣзней, поворитъ одинъ новѣйшій писатель, всегда казались чѣмъ-то особенно удивительнымъ и даже ужаснымъ для тѣхъ, кому приходилось ихъ видѣть. Какъ справедливо замѣтилъ Мори, въ своей книгѣ *О Мани и Астрологии*, они располагаютъ къ вѣрованію въ сверхъестественныя существа; тревожное состояніе больныхъ, ихъ видѣнія, издаваемые ими крики, произносимыя ими странныя слова, ихъ несвязанныя движенія, ихъ нерѣдко, страшный видъ, — все это наводитъ на мысль о вліяніи какой-то посторонней, невѣдомой силы, которая властвуетъ надъ ними и покоряетъ ихъ. Во время такихъ припадковъ, больной видимо теряетъ свою свободу и свой разумокъ; онъ испытываетъ чувство угнетенія и давленія и, какъ будто, борется съ невидимымъ существомъ, которое овладѣло его тѣломъ“¹⁵⁾.

Но если извѣстныя явленія, приписываемыя простымъ народомъ колдовству и порчѣ, относятся, по объясненію медиковъ, къ разряду болѣзней нервныхъ, то мы совершенно незнаемъ, къ какому разряду явленій должны быть отнесены слѣдующіе два факта, найденные нами въ архивныхъ дѣлахъ и приписанные народомъ также колдовству и порчѣ.

Въ 1809 г. сельское общество деревни Меньшиковой, Вознесенской волости, Каинскаго округа, замѣтило, что дочь крестьянина этой же деревни Алексѣя Черданцева, Марья, беременна; а потому, чтобы не дать ей возможности извѣсть ребенка, призвало ее на еходку. Здѣсь Марья созналась, что дѣйствительно беременна, приживъ ребенка съ крестьяниномъ Павломъ Парыгинымъ, съ которымъ сошлась недѣли за двѣ до Троицына дня того года, а чрезъ мѣсяць послѣ того почувствовала себя беременною. По освидѣтельствованіи двумя повивальными бабками, Марья оказалась дѣйствительно беременною, хотя брюхо у ней было и не очень велико. Въ виду всего этого, сельское общество отдало ее подъ надзоръ отца, съ тѣмъ, чтобы она не вытравила ребенка.

Послѣ Крещенія слѣдующаго года, Марья вышла замужъ за крестьянина Усть-Гартасскаго форпоста Василья Каргаполова, который бралъ ее за себя „за знамо беременною“. Чрезъ двѣ или три недѣли спустя, она съ мужемъ уѣхала на займку, верстъ за

¹⁴⁾ Юрид. обычаи крестьянъ-старож., Томской губерніи, 95—96.

¹⁵⁾ Знаніе; № 10, 1876 г. Драмы Шекспира и современная психіатрія.

10 отъ селенія, и здѣсь, на послѣдній день масляницы, постѣ обыкновенныхъ мукъ, въ присутствіи свекрови своей Екатерины Каргаполовой и повивальной бабки Анны Елисеевой родила двухъ кротовъ, изъ которыхъ одинъ былъ мертвый, а другой живой, но Катерина Каргаполова задавила его въ испугѣ ногою.

Мужъ Марьи, убиравшій въ это время во дворѣ скотъ, вошелъ въ избу, и видѣлъ также двухъ кротовъ, рожденныхъ его женою. Какъ о происшествіи необыкновенномъ, онъ далъ знать объ этомъ въ Усть-Тартасскій форпостъ. Приѣхалъ Старшина и общественники: всѣ они видѣли кротовъ и взяли ихъ для представленія по начальству.

Началось слѣдствіе, при которомъ всѣ поименованныя лица показали то же самое, что изложено выше, при чемъ прибавили, что рожденіе Марьею кротовъ иначе нельзя объяснить, какъ порчею, но кто ее испортилъ—они не знаютъ и подозрѣнія ни на кого не имѣютъ.

По свидѣтельствovanіи родильницы лекаремъ Яворскимъ, оказалось, что ей лѣтъ 25, тѣлосложенія она плотнаго и здороваго; одержима легкою горячкою, половые органы находятся безъ всякаго воспаленія, опухоли и растяженія, обыкновенныхъ при такомъ обстоятельстве, какъ роды; по изслѣдованіи маточнаго рыльца, оно оказалось сжатымъ. Относительно времени беременности,—по отзыву самой родильницы, оно продолжалось почти 8½ мѣсяцевъ; совершеніе же родовъ, по увѣренію бабки, началось почти также, какъ обыкновенные роды, т. е. потугами и прочими, свойственными періоду беременности припадками; въ продолженіи же нѣкотораго времени, при изліяніи стужившейся крови, выпали изъ дѣтородной части, какъ увѣрять бабка, два звѣрка, находившіеся въ особенныхъ оболочкахъ, подобныхъ тѣмъ, каковы бываютъ въ человѣческомъ зародышѣ, безъ выходженія дѣтскаго мѣста. По осмотрѣ же звѣрковъ, Яворскій нашель, „что они изъ породы кротовъ и, по описанію Геснера, называются *обитателями подземными четвероногими*; относительно же зарожденія ихъ въ матерней утробѣ человѣческаго рода,—весьма сомнительно, поелику нѣтъ до сихъ поръ подобныхъ опытовъ, которые подтвердили бы сію возможность, хотя, впрочемъ, невозможно утвердительно отрицать, а особливо при такихъ обстоятельствахъ, буде таковая женщина въ лѣтнее время на поляхъ, во время работы своей, случайно садится или ложится на то мѣсто, гдѣ животныя таковыя производили совокупленіе, и отъ тонкаго испаренія дѣтородной влажности, можетъ быть, въ силахъ достигнуть хотя малѣйшая частица онаго испаренія дѣтородныхъ частей и человѣческаго рода и произвестъ, при способномъ расположеніи таковой женщины, плодотвореніе, какъ многіе примѣры показываютъ, что женщины невинныя, безъ всякаго совокупленія съ подобными себѣ, при подобныхъ обстоятельствахъ, могли быть оплодотворены, и что опять въ семъ случаѣ не можно утвердительно сказать“.

Врачебная управа, разсмотрѣвъ это свидѣтельство и звѣрковъ, нашла, что означенные звѣрки суть въ такомъ видѣ, въ какомъ они бывають при рождении, но какъ испытатели естества до сихъ поръ опытами не утвердили, чтобы женщины могли родить собаку или кошку, или какого другаго звѣря и почитаютъ все сіе за басни, да и по судной медико-хирургической наукѣ г. Пленка, которая бывшею Государственною Коммисіею при оной типографіи отпечатана и разслана для соображеній, значитъ, что никакимъ наблюдениемъ доказать не можно, чтобы женщина отъ животнаго самца или животная самка отъ мужчины зачали въ утробѣ своей зародышъ, да и животныя отличнаго рода съ другою порокою животныхъ не могутъ распложаться, а сверхъ того и самъ г. Яворскій утвердительно о такихъ родахъ не пишетъ, а только возможность оныхъ не отвергаетъ, то управа, основываясь на оной судной наукѣ, не утверждаетъ сей случай родовъ бытъ истиннымъ. Съ такимъ заключениемъ врачебной управы, послѣствие о рождении крестьянкою Марьей Каргаполовой двухъ звѣрковъ поступило на разсмотрѣніе Каинскаго уѣзднаго суда. Судьодаль такое мнѣніе, какъ ту крестьянскую жену Марью Каргаполову въ рожденіи двухъ звѣрковъ, по обстоятельствамъ дѣла, виновницею почитать не можно, то, посему, сообразно силѣ Воинскихъ Процессовъ 2-й части, 5-й главы, 9 п., и оставить ее отъ сего дѣла свободною, а что она показывала на себя блудодѣйство, то хотя въ томъ утвердительнаго ничего и не найдено, однакожъ за сіе непотребство, по 263 ст. Устава Благочинія, штрафовать ее пленю, шести сутокъ содержаніемъ содержимаго въ Смирительномъ домѣ, и деньги отправить въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Но гражданскій и уголовный судъ не согласился съ такимъ мнѣніемъ уѣднаго суда и счелъ необходимымъ для переслѣдованія дѣла, командировать особаго благонадежнаго чиновника. Командированъ былъ Ассесоръ Томскаго Губернскаго Правительства Залетовъ. При новомъ слѣдствіи, открылось только два обстоятельства, которыя не были въ виду перваго слѣдователя, а именно, что послѣ рождения кротовъ, у Марьи Каргаполовой, по показанію ея самой и ея свекрови, не было ни капли молока въ грудяхъ, и что пружій въ ея любовникъ, Павелъ Парыгинъ, ушелъ въ солдаты, а потому остался не спрошеннымъ о томъ, действительно ли онъ находился съ нею въ любовной связи. За тѣмъ, всѣ прочія лица, спрошенныя по этому дѣлу Залетовымъ, показали то же самое, что и при первомъ слѣдствіи. Поэтому гражданскій и уголовный судъ 22 Декабря 1810 г., постановилъ слѣдующее рѣшеніе: „какъ изъ дѣла видно, что, при всѣхъ розысканіяхъ, не обнаружено того, чтобы женка Марья Каргаполова родила или истребила младенца, хотя беременность ея въ дѣвкахъ и была примѣчена, а потому и нельзя рѣшительно заключить, чтобы объявленное ею рожденіе двухъ кротовъ только было выдумкою для прикрытія истребленнаго младенца, тѣмъ болѣе, что о рожденіи ея звѣрковъ увѣряютъ

свекровьяея и повивальная обабка Елисеѣва, то сколько сіе не умо-
вѣрно и какъ ни подозрительно; ибо она, послѣ замѣченной беремен-
ности, болѣе полугода оставалась еще въ дѣлкахъ; однакожь,
по необнаруженіемъ слѣдствіемъ главнымъ образомъ обмана, при-
говорить ее, Каргалову, къ тѣлесному наказанію опасно; и для
того, на основаніи Воинскихъ Процессовъ 2 части, 5 главы, 10 п.
и указани 1763 г. Февраля 10 дня, оставить ее, впредь до изобщи-
ченія, отъ дѣла свободною. **Иванъ** **Альковъ** и **Анна** **Алькова** **дочери**
Вотъ другой случай идоту онжом ѡн атываод амѣинокондан
-ва Въ 1810 г. крестьянинъ Томскаго округа д. Турунтаевой Иванъ
Альковъ женился на крестьянской дочери Аннѣ Ведриной и года
полтора жилъ съ нею, какъ мужъ съ женою; но послѣ того, однаж-
ды во время рожденія мѣсяца, она почувствовала въ животѣ боль,
отъ которой ее отпирали мать ея и сестра мужа. Больхотя и прош-
ла, но Анна объявила мужу, что послѣ этого она сдѣлалась мужчи-
ною и нашла уже себѣ любовницу въ лицѣ крестьянской жены
Марьи Альковой. Заявивъ при этомъ, что, вѣроятно, подобное пре-
вращеніе произошло съ нею отъ колдовства и порчи, Анна на от-
рѣзъ отказалась жить съ мужемъ. Началось слѣдствіе. По освидѣтель-
ствованіи во врачебной управѣ, Анна Алькова оказалась гермафро-
дитомъ. Марья Алькова отъ сожителства съ нею отперлась. Том-
скій двѣдннй судъ рѣшилъ это дѣло такъ: женку Анну Алькову,
за сожитіе съ женщиною Альковой, въ немъ она истосердечно
созналась; по силѣ докладныхъ пунктовъ Правительствующаго Су-
нода 1722 г. Апрѣля 12, предать церковному покаянію; Марью
Алькову, какъ ни въ чемъ не сознавшуюся и не удиченную, отъ
суда освободить; а крестьянину Ивану Алькову, предоставить про-
ситься въ разводъ съ женою особо по принадлежности. Съ такимъ
мнѣніемъ согласился гражданскій и уголовный судъ. **Колдовство**
и порчею занимаются здѣсь преимущественно жен-
щины; по колдунахъ и мужчинахъ слышится гораздо рѣже. О томъ,
какъ дѣлаются колдунами, здѣсь рассказываютъ почти тоже самое,
что и въ великорусскихъ губерніяхъ. Повѣрье, что колдунъ послѣ
смерти ходитъ и можетъ успокоиться только тогда, когда въ тѣло
его забьютъ осиновый колъ, извѣстно здѣсь только между переселен-
цами, недавно прибывшими изъ Россіи и неуспѣвшими еще
позабить всѣхъ мѣстныхъ своихъ повѣрій. **Кн. Н. Костровъ**